

Гармония общего и частного

Права человека, гражданское общество и правовое государство

Владимир МЕЛЬНИК,
доктор политических наук, профессор

Проблему реализации прав человека обычно связывают с формированием соответствующих условий – гражданского общества. Однако такой подход должен быть дополнен рассмотрением роли государства в данном процессе, поскольку именно оно является гарантом не только обеспечения прав человека, но и функционирования институтов гражданского общества.

Характер современного белорусского общества

Безусловно, современное белорусское общество соответствует основным критериям модернистского, а значит, гражданского общества. Практически не оспаривается и положение о том, что оно является индустриальным. Данные черты как часть советского общества оно приобрело к середине XX века, а во второй его половине, по оценкам американского социолога Д. Белла, вплотную подошло к постиндустриальной стадии своего развития [1, с. 656].

Так, в политической сфере в основном осуществился процесс становления белорусской национальной государственности с разветвленной системой соответствующих институтов. В экономической сфере производство – как в промышленном, так

и в аграрном секторах – основывалось на индустриальных технологиях, были заложены также основы «третичного» сектора экономики – сферы услуг. В социальной области были преодолены существовавшие в досоветский период элементы сословности, общественные отношения строились главным образом на целерациональных связях, профессиональной и планово-рыночной основе. В духовной сфере были обеспечены практически всеобщая грамотность населения, последовательный переход от всеобщего начального к всеобщему семи-, восьмилетнему, а затем и к всеобщему среднему образованию.

Невозможно согласиться с утверждением, что в таком обществе напрочь отсутствовали общественные институты, которые ныне называют гражданскими. Да, сам этот термин был не в чести, поскольку считался неотъемлемым атрибутом буржуазного общества, относительно которого в весьма резких выражениях отзывались К. Маркс и Ф. Энгельс. Вот пример одного из таких высказываний: «...Подобно тому, как античное государство имело своей естественной основой рабство, точно так же современное государство имеет своей естественной основой гражданское общество, равно как и человека гражданского общества, т.е. независимого человека, связанного с другим человеком только узами частного интереса и бессознательной естественной необходимости, раба своего промысла и своей собственной, а равно и

ОБ АВТОРЕ

МЕЛЬНИК Владимир Андреевич.

Родился в 1945 году в д. Ляды Стародорожского района Минской области. В 1969 году окончил Белгосуниверситет. Работал учителем средней школы, в комсомольских и партийных органах. С 1980 года – в Академии МВД Республики Беларусь (до 1991 года – Минская высшая школа МВД СССР), где занимал ряд должностей, в том числе профессора, начальника кафедры, заместителя начальника Академии по учебной работе. С 2006 года работает в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, с 2011 года – профессор кафедры философских наук и идеологической работы.

Доктор политических наук (2004), кандидат философских наук (1979), профессор (1996).

Автор более 180 научных, учебно-методических и публицистических работ.

Сфера научных интересов: проблемы развития политической системы Республики Беларусь и теоретико-методологические аспекты белорусской государственной идеологии.

чужой своекорыстной потребности» [2, с. 125]. Тем не менее в СССР гражданские общественные институты существовали и в политической сфере (партия, органы местного самоуправления, структуры народного контроля, определенные политические функции осуществляли трудовые коллективы и др.), и в экономической (кооперативные хозяйства, потребительские союзы, формы производственной и колхозной демократии и др.), и в социальной и духовно-культурной сферах (семья, религиозные организации, профессиональные творческие союзы и фонды, самодеятельные художественные коллективы, спортивные, женские, ветеранские, молодежные, юношеские и детские объединения, общества патриотической и гуманитарной направленности и др.).

Можно, конечно, согласиться с тем, что их деятельность, согласно тогдашней терминологии, направлялась партийными организациями. Однако это не упраздняло их как формы самовыражения и самоорганизации граждан практически во всех областях человеческой деятельности. Именно через эти формы миллионы людей – представителей города и деревни – приобщались, пусть даже в ограниченных рамках, к различным видам общественной самодеятельности. Такое общество вполне можно определить как специфический, а именно мобилизационный, тип гражданского общества, отличавшийся этим от общества либерального типа большинства западных стран.

С началом перестройки и особенно после распада Советского Союза в большинстве бывших советских республик происходит стремительная эмансипация гражданских институтов от повседневного вмешательства государства в их деятельность. 1990-е и последующие годы были отмечены лавинообразным ростом числа различного рода общественных объединений граждан. Например, ныне в Республике Беларусь зарегистрировано 15 политических партий, 35 профсоюзов, 25 союзов (ассоциаций) общественных объединений, 7 республиканских государственно-общественных объединений и более 2,3 тыс. других объединений граждан [3, с. 25]. Еще в 1999 году на проходившей в Минске международной научно-практической конференции «Становление гражданского общества в Бела-

▲ На IV Всебелорусском народном собрании. 2010 год

руси в контексте устойчивого развития» исследователь из Швеции Эльза Хостад, которая на протяжении двух лет была сотрудницей Представительства ООН в Республике Беларусь, отмечала, что большинство общественных организаций нашей страны «полны энергии и энтузиазма» и что «такая ситуация характерна для многих стран мира» [4, с. 26].

Все это, впрочем, отнюдь не означает превращения современного белорусского общества в гражданское общество либерального типа. Обладая собственными родовыми чертами, оно всегда будет отличаться национальной социокультурной спецификой, что не является основанием для непризнания его обществом гражданским.

Кроме того, даже западные теоретики не отрицают: абсолютно совершенных гражданских обществ попросту не бывает. По утверждению известного немецкого политолога Р. Дарендорфа, такое общество всегда остается в чем-то незавершенным, что вполне естественно, поскольку суть гражданского общества в открытости, в постоянном изменении [5, с. 74]. Это полезно уяснить нам, потому как славян всегда отличала склонность к идеализации предметов своих устремлений, что характерно и для бытующих ныне представлений относительно гражданского общества.

Взаимосвязь между гражданским обществом и правовым государством

С появлением гражданского общества как совокупности обладающих неотчуждаемыми правами частных лиц, их добровольных ассоциаций и институтов, деятельность которых напрямую не зависит от государства, возникает и непростая проблема взаимоотношений тех и другого.

Во многом благодаря Гегелю, а затем и Марксу эта проблема истолковывалась как оппозиция государства и гражданского общества. Данный подход фактически характерен и для исследований современных отечественных авторов. Между тем интерпретация взаимоотношений этих двух феноменов как полностью независимых или как оппозиционных изначально не соответствовала действительности. Тем более неправильно подобным образом определять их отношения в настоящее время, когда в различных странах накоплен богатый опыт взаимодействия государства и самостоятельных институтов граждан.

Безусловно, в процессе становления гражданского общества государство признает права, а значит, и автономию не только индивида, но и возникающих гражданских институтов, ограничивая свою роль установлением некоторых общих принципов их функционирования. Иными словами, государство узаконивает, или легализует, право индивида преследовать свои интересы посредством обладания частной собственностью, а также путем свободного объединения с другими для совместной деятельности. Такой тип связи между людьми предполагает самостоятельность индивида, его независимость от опеки или руководства со стороны кого бы то ни было, включая государство.

При этом, однако, последнее не выводится за рамки гражданского общества. Более того, само оно становится необходимым институтом и непременным условием функционирования такого общества, хотя полномочия его действий по отношению к гражданам и их самостоятельным объединениям ограничиваются и четко определяются законом. Ни одна общественная ценность, являющаяся основой совместной жизнедеятельности людей, невозможна без юридических гарантий, которые может обе-

спечить только государство. Его, как известно, в таком случае принято называть правовым. Представить общество без подобных скреп невозможно: оно непременно развалится на конкурирующих и борющихся между собой индивидов, погрязнет в бесконечных спорах, выяснении каждым своей «правды» в кровавых столкновениях.

В первой половине XX века в обстановке глубокого экономического и социального кризиса, постигшего западные страны, происходит активизация роли государства в обеспечении функционирования гражданского общества. Обозначился сдвиг в сторону взаимного сближения их институтов. С этого момента казавшееся ранее противостояние между ними сохраняется только в неолиберальных теориях.

Этого упорно не желают замечать отечественные адепты либерального типа гражданского общества, зачастую упускающие из виду, что оно отнюдь не является автономной сферой, избегающей взаимодействия с властными институтами. Не следует забывать, что именно государство выступает гарантом права собственности и прав экономических субъектов, права на защиту личности и справедливое судебное разбирательство. Более того, как отмечает польский политолог Т. Жиро, многие гражданские институты пронизывают структуры государственной власти. Порой оказывается трудно судить, идет речь о компонентах гражданского общества или же политической системы, что наиболее характерно для политических партий [6, с. 44]. Нередки случаи образования государственно-общественных объединений, не говоря уже о коммерческих предприятиях со смешанной формой собственности (частной и государственной).

Следует также заметить, что в современных модернистских обществах допустимая степень вмешательства государства в деятельность граждан и их объединений не есть величина постоянная. Здесь нет какого-либо эталона, подходящего для всех обществ. Как отмечает американский ученый У. Баумоль, после выхода из социально-экономических потрясений 1930-х годов главным становится «анализ того, что и в каком объеме целесообразно делать правительству и как выполнять эту работу наилучшим образом» [7, с. 100]. Для одних

государств более приемлемым оказывается так называемое «малое правительство», задачи которого ограничиваются главным образом обеспечением безопасности и внутреннего порядка, защитой частной собственности, других личных прав и свобод граждан. Для других характерна приверженность так называемому «большому правительству», распространяющему свое регулирующее воздействие на достаточно широкую область общественной жизни, преимущественно – на сферу экономических отношений. Кроме того, степень и характер вмешательства государства в жизнедеятельность гражданского общества могут существенно меняться в зависимости от конкретного момента (например, в периоды экономического подъема и спада, в мирное и военное время, в благоприятных и неблагоприятных международных условиях и т.п.).

Особенностью становления гражданского общества в Беларуси является традиционно повышенная роль государства в данном процессе. Причины этого коренятся в специфике исторических, геополитических и природно-климатических условий существования народа. Национальное белорусское государство сыграло пока еще не в полной мере оцененную позитивную роль в формировании основ такого общества. Как и в прошлом, ныне оно остается главным субъектом общественной жизни, способным действовать в интересах нации, гарантом прав и свобод граждан, а следовательно, и эффективного функционирования гражданских институтов.

Совершенствование гражданского общества есть составная часть постиндустриальной модернизации Беларуси. Следовательно, главным субъектом целеполагания и мобилизационных усилий в обретении им нового качественного состояния выступает государство. Оно призвано создать для этого необходимые правовые и организационные, идеологические и психологические предпосылки. Поэтому было бы неосмотрительно пытаться резко ослабить данную его функцию на нынешнем чрезвычайно важном этапе истории белорусского народа. Одновременно, учитывая вероятность чрезмерного огосударствления общественной жизни, следует прорабатывать и меры по предотвращению такой тенденции.

Общие и частные интересы в гражданском обществе

В западной политической науке проблема соотношения общего и частного в гражданском обществе свою теоретическую интерпретацию получила в теории рационального выбора и теории справедливости. Хотя основы той и другой были разработаны во второй половине XX века, отечественная научная общественность лишь недавно приступила к осмыслению их содержания. Как бывает в таких случаях, в первую очередь отмечаются и с энтузиазмом пропагандируются позитивные стороны новых теорий, тогда как критическая оценка присущих им негативных моментов следует после апробации на собственной общественной почве. Думается, нам это еще предстоит, а пока, очевидно, есть смысл обратиться к оценкам их самими западными учеными.

Основы теории рационального выбора были заложены в работах американских ученых К. Арроу «Общественный выбор и индивидуальные ценности» (1951) и Д. Дунса «Экономическая теория демократии» (1957). Их авторы стремились, по крайней мере, увидеть в мотивах действий наделенных правами индивидов исключительно материальные интересы. По мнению сторонников данной теории, люди оценивают любую ситуацию с позиций рационалистически понимаемой индивидуальной выгоды, чем обуславливаются все отношения, в которые вступают свободные индивиды. При этом считаются приемлемыми любые взаимодействия, которые сулят им максимальную пользу. При таком подходе, казалось бы, выбор большинством (например, избирателей) наиболее отвечающего их индивидуальным предпочтениям политического курса будет в максимальной мере соответствовать и общим интересам. Однако в реальной жизни то и дело складываются ситуации, когда из рационального, движимого эгоистическими мотивами выбора отдельных индивидов, пусть и большинства из них, не всегда следует рациональный общий результат. Таким образом, проблема преобразования первого во второй оказалась в данной теории неразрешимой.

Отмеченный парадокс теории рационального выбора породил непрекращающуюся борьбу между ее сторонниками и критиками. Приверженцы приводят при-

меры того, как эта теория показывала свою прогностическую эффективность, скептики ссылаются на ее провалы. Главный упрек критиков в адрес теории рационального выбора состоит в том, что, сводя мотивы человеческих действий к материальным интересам во имя теоретического постулата, она отбрасывает «за ненадобностью» духовные ценности, принципы и личные привязанности, а заодно всю историю человечества и социальные институты» [8, с. 37]. Между тем, отмечает французский социолог П. Бурдьё, установки коллективной памяти, ставшие культурной нормой, «производят практики как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей» [9, с. 193].

Именно коллективный культурный опыт, как считает русский философ и политолог А.С. Панарин, фиксирует в сознании людей то, что совершать «безусловно можно», что «можно при определенных условиях» и что «безусловно нельзя». Это и есть не что иное, как критерии выбора действий, которые отвечают общему интересу и способствуют интеграции сообщества в целом и входящих в него групп, без принуждения. И напротив, действия, основанные исключительно на индивидуальной целерациональности, не просто не задействуют коллективный культурный капитал, а уничтожают его, способствуя тем самым дезинтеграции сообщества [9, с. 194, 197].

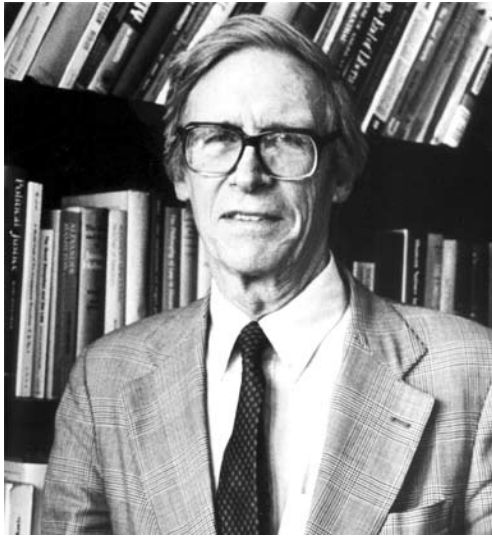
Аналогичным образом обстоит дело и с популярной среди адептов либерализма теорией справедливости, основы которой разработал американский ученый Дж. Роулз. В своей книге он предпринял попытку предложить формулу справедливости применительно к общественному устройству, основанному на принципах рыночной экономики. Согласно его мнению, нет никакой несправедливости в распределении общественных благ, при котором свое положение улучшают как более успешные, так и менее удачливые члены сообщества. Нормативной основой такой формулы справедливости являются выдвинутые Роулзом два принципа: первый – равенство прав каждого человека на основные свободы; второй – равный доступ каждого к ответственным должностям. Второй принцип дополняется требованием в случае различного социального и экономического положения кандидатов

отдавать предпочтение тому, чья позиция более уязвима. Данные основы организации общественной жизни, полагает Роулз, позволят каждому человеку иметь выгоду от допустимых неравенств в доходах или власти. Соблюдение этих принципов является условием появления желания к сотрудничеству, в том числе у тех, чье положение менее выгодно [10, с. 687–690].

Названные принципы также вызвали непрекращающиеся дискуссии, в центре которых оказался вопрос о совместимости или несовместимости с рыночной экономикой предложенных ученым принципов свободы и равенства как необходимых условий справедливости.

Разумеется, сторонники теории Роулза продолжают развивать ее положения, пытаясь доказать не только то, что свобода в принципе совместима с достаточно высокой степенью социального равенства, но и то, что она настоятельно его требует. В этом нельзя не видеть достоинства теории Роулза, которая содержит философское обоснование точки зрения сторонников социальной политики, направленной на относительное повышение при распределении социальных благ доли, приходящейся на беднейшие слои населения.

В то же время ряд их оппонентов, из которых наиболее известен американский политический философ Роберт Нозик, возражают против базовых принципов теории социальной справедливости. Они настаивают на том, что любая схема распределения справедлива, если она основана на ненасильственной передаче материальных благ, которые, в свою очередь, изначально получены законным путем. Следование же любым «шаблонным» принципам распределения приводит к нарушению сбалансированных экономических отношений и, в конечном счете, ставит под сомнение право на существование самих этих принципов [8, с. 456]. Другие оппоненты указывают на то, что теория справедливости Роулза исходит из абстрактного подхода к личности, «не обремененной» конкретными культурными ценностями и моральными обязательствами перед своим окружением. Принципы справедливости, базирующиеся на таком подходе к индивиду, могут служить лишь для регулирования отношений не связанных друг с другом людей, да и то формальным образом. Очевидно, что

в данном отношении теория справедливости совпадает с теорией рационального выбора, которая, о чем говорилось выше, также игнорирует накопленный коллективный опыт, социальные институты и общественную сущность человека.

Таким образом, теория социальной справедливости Роулза (как и теория рационального выбора) при всех ее несомненных достоинствах не может служить безоговорочным руководством при решении проблем формирования гражданского общества. Ее приложение к конкретным условиям той или иной страны предполагает творческую интерпретацию базовых положений. Сам Роулз, отвечая на некоторые критические замечания, подчеркивал, что исходные принципы его теории следует рассматривать не как некие метафорические постулаты, но как принципы, которые сочетают в себе «интуитивные идеи, лежащие в основе политических институтов любого конституционно-демократического режима, и общественные традиции их интерпретаций» [8, с. 154].

В заключение стоит отметить, что на протяжении своей многовековой истории белорусский народ обрел богатый опыт согласования частных и общих интересов. Органическая, естественная для преобладающей массы белорусов организация их жизнедеятельности в литературе обозначается словом «соборность». Это такой тип отношений между людьми, при котором каждый проявляет озабоченность не только собой, но и другими, ставит свое личное

спасение в зависимость от спасения всех и каждого. Соборность предполагает вместо противопоставления человека («я») и мира («мы») согласие между ними с одновременным сохранением их свободы и самодостаточности.

Установка белорусов на общественное согласие является их огромным преимуществом в условиях формирующегося постиндустриального общества. Такое общество, согласно выводам исследователей, предполагает наличие у людей доверия друг к другу и к государственным и общественным институтам, а также навыков согласованных действий, словом – искусства жить в ассоциации свободных индивидов [11]. Естественно, что адаптация людей к обозначенным ценностям происходит легче в тех сообществах, которые на индустриальной стадии развития в меньшей степени отошли от коллективистских начал организации своей жизнедеятельности.

Таким образом, белорусская модель гражданского общества отличается и будет отличаться впредь специфическими, национальными чертами. Приводя ее в соответствие с велениями нового этапа исторического развития, необходимо предельно бережно относиться к собственному опыту организации жизнедеятельности сообщества, разумеется, творчески воспринимая опыт других народов. ─

◀ Джон Роулз

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социологического прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные сочинения: в 9 т. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1984. – 549 с.
3. Республика Беларусь. Статистический ежегодник. 2011 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2011. – 633 с.
4. Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24–26 мая 1999 г.; под. ред. Н.Г. Павлова, Т.А. Лесковой. – Минск: Тесей, 1999. – 129 с.
5. Дарендорф, Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Р. Дарендорф // Вопросы философии – 1990. – № 9. – С. 69–75.
6. Жиро, Т. Политология / Т. Жиро. – Харьков: Гуманитарный центр, 2006. – 428 с.
7. Баумоль, У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.
8. Политическая наука: новые направления: пер. с англ. / Науч. ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – 816 с.
9. Панарин, А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 352 с.
10. Роулз, Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – Т. II: Зарубежная политическая мысль. XX в. – М.: Мысль, 1997. – С. 684–697.
11. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НП «Ермак», 2004. – 730 с.